

Давид КУГУЛЬТИНОВ

(КАЛМЫЦКАЯ АССР)

В нынешнем году в ознаменование шестидесятилетия автономии Советской Калмыкии в республике прошли Дни калмыцкой литературы. Мы побывали во всех районах, мы видели радость на лицах тружеников, радость от встреч с писателями, и были счастливы от сознания своей необходимости, нужности народу.

Тепло встречали читатели старейшин нашей литературы — Санджи Калыева, Аксена Сусеева, Константина Эрендженоева, Лиджи Инджиева, Морхаджи Нармаева, Бема Джимбинова, писателей следующего поколения — Босю Сангаджиеву, Алексея Балакаева, Анджу Тачиева, Егора Буджалова, Анатолия Кукаева, Владимира Нурова и молодых писателей — Веру Шуграеву, Сергея Бадмаева, Олега Манджиева.

По лучшим произведениям наших писателей мы видим, что удача к ним приходит тогда, когда они чувствуют пульс времени. Таков, например, роман Алексея Бадмаева «Зултурган — трава степная», роман о становлении Советской власти в Калмыкии, получивший высокую оценку при обсуждении в конце прошлого года в Союзе писателей РСФСР.

Испокон веков искусство художников потому и было необходимо людям, что оно всегда светило впереди, помогало людям быть добрее, лучше познать внутренний мир, свой характер.

Такова великая русская литература, раскрывшая нам характер русского народа. На одной из встреч с читателями мне был задан вопрос, на первый взгляд будто простой, но по сути чрезвычайно сложный: «В чем вы видите своеобразие русского национального характера?»

Я ответил: «В отсутствии высокомерия».

Это отсутствие высокомерия я видел, вернее, смутно ощущал с самых детских лет; когда русский человек делал добро, он не высчитывал в уме, что он получит за содеянное. Он как бы размножал свое добро, говоря словами Александра Блока — «увечивечивал сущее», «вочеловечивал безличное» и «воплощал несбывшееся». Он творил добро, не измеряя высоту роста того, по отношению к которому он делал это добро, не измеряя силу его мускулов. Когда Александр Сергеевич Пушкин говорил: «...Желай мне здравия, калмык!», «Прощай, любезная калмычка!» и «вкруг кочующих шатров пасутся овцы калмыков», — он не думал о том, сколько на свете калмыков, хотя и знал точно, ибо он изучал историю калмыков доподлинно, он знал, что их на свете всего-то пятьдесят тысяч кибиток. Но ему важно было не это, а то, что есть народ, умевший рассказать Пугачеву «Сказку об Орле и Вороне». И в мудрости этой сказки он видел частицу мудрости всего человечества. И если бы не было этой мудрости — мудрость человечества стала бы на эту частицу беднее, меньше. Пушкин не считал, что величина мудрости зависит от числа народа. Если бы он думал иначе, то в строках «Памятника»:

...И гордый внук славян,
и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей
калмык,

— вместо тунгуса и калмыка, наверное, он поставил бы англичанина или китайца.

Интернационализм русского характера сегодня стал основополагающим в характере всех советских людей. Трудимся мы не в каком-то локально ограниченном пространстве, не на какой-то замкнутой территории, а в неограниченном пространстве взаимодействия. Так же как мы свободно пересекаем границы, условно разделяющие наши союзные и автономные республики, в каждой из них чувствуя себя на родной земле, границы наших национальных литератур сегодня свобод-

● ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 7-й СТР.

17 декабря 1980 г. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 51

● ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО
НА 3-й, 4-й, 5-й и 6-й СТР.

но пересекаются духовными ценностями, созданными в любой из них. И то, что создано новаторского, например, в русской или балкарской литературе, сегодня вбирается калмыцкой или другой литературой как обретение. То, что не достигнуто калмыцкой литературой — вакуум в ней, — заполняется открытиями других литератур, и эти открытия становятся необходимыми для духовной жизни калмыцкого читателя.

Когда я вчитываюсь в строки стихов и поэм своих друзей — поэтов разных народов нашей страны — Миколы Ба-

жана, Зульфий, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, Расула Гамзатова, Мустая Карима в русских переводах, я всегда бесконечно благодарен замечательным русским поэтам, которые отдали жар своего таланта благородному делу перевода. Сердечное спасибо всем переводчикам!

Бессмертие человека заключено не в том, что он не умирает, а в том, что человек рождается и продолжает песню предыдущего, поет и свое время, передавая эту песнь другому, как гимн неумирающей жизни.

Да будут наши песни нежными и полны света добра! (Аполлодисменты).